

ПРОМЕТЕЙ №3

ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

**БОЕВОЙ ПУТЬ
ЛИТОВСКОЙ
КОМПАРТИИ**

105 ЛЕТ
СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ

**К ЮБИЛЕЮ
КАРИБСКОГО
КРИЗИСА**

Е. Ю. СПИЦЫН
ДЕЛАЕТ ВЫВОДЫ

**РУССКАЯ
МЕНТАЛЬНОСТЬ**

И МИРОВОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ
ПРОЦЕСС

БАГДАСАРЯН В.Э.: ОБРАЗ СССР ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ: ФЕНОМЕН РЕСОВЕТИЗАЦИИ | **СПИЦЫН Е.Ю.:** К ЮБИЛЕЮ КАРИБСКОГО КРИЗИСА | **КАПЧИНСКИЙ О.И.:** СКАДРОВЫЙ СОСТАВ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ ВЧК-ОГПУ | **КОНЧАЛОВСКИЙ А.С.:** РУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС | **ТАЛЕРОВ П.И.:** БОРЬБА КОМИНТЕРНА С АНАРХИСТАМИ В 1920-Х — 1930-Х ГГ. | **ВАХИТОВ Р.Р.:** ЕВРАЗИЙСКИЙ ГЕРОЙ САЛАВАТ ЮЛАЕВ

Прометей (Алгоритм)

Альманах
Прометей № 3

«Алисторус»

2023

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

Альманах

Прометей № 3 / Альманах — «Алисторус», 2023 — (Прометей
(Алгоритм))

ISBN 978-5-00180-968-5

Третий номер научного альманаха «Прометей» расскажет вам об удивительной и героической истории литовских и латвийских коммунистов. Ныне славящиеся своим антикоммунизмом и русофобией, ещё сто лет назад эти страны были оплотом борьбы за права трудового народа. Также в сборнике приводятся уникальные, никем ранее не обнародованные сведения о жизни Революционного подполья Астрахани в начале XX века, оригинальные исследования, освящающие деятельность Коминтерна в Югославии и его борьбу с анархизмом, а также многие важнейшие аналитические материалы, касающиеся жизни современной России. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-00180-968-5

© Альманах, 2023
© Алисторус, 2023

Содержание

Кредо «Прометея»	7
Актуальные биографии	9
Жизнь и судьба позабытого историка	9
«Азеф в юбке»	17
Сибирские страницы политбиографии М. Н. Рютина	28
Надолго вычеркнутый из истории	28
Политическое становление	29
На Китайско-Восточной железной дороге (июнь 1916 – декабрь 1917 гг.)	30
Накануне и в начале Гражданской войны (1918 г.)	32
В борьбе с колчаковщиной (ноябрь 1918 г. – 1919 г.)	34
Во главе Иркутской губернии (март 1920 – май 1921 гг.)	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Историко-публицистического альманах Прометей № 3 Автор-составитель Александр Колпакиди

Редакционная коллегия историко-публицистического альманаха «Прометей»

Спицын Евгений Юрьевич

Кончаловский Андрей Сергеевич

Шеин Олег Васильевич

Талеров Павел Иванович

Штырбул Анатолий Алексеевич

М. Полэ

Гедрюс Грабаускас

Кононова Ольга Алексеевна

Багдасарян Вардан Эрнестович

Лебский Максим Александрович

Капчинский Олег Иванович

Вахитов Рустем Ринатович

Азаров Николай Янович

Монахова Ирина Рудольфовна.

© Колпакиди А. И. (авт. сост.), 2023

© АИ «Вершины», 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Кредо «Прометея»

Слово редколлегии к читателям альманаха

Уважаемый читатель! В твоих руках новый выпуск историко-публицистического альманаха «Прометей» – принципиально нового издания, основанного участниками Клуба Левых Историков и Обществоведов (КЛИО).

Название альманаха не случайно. Прометей – легендарного древнегреческого титана, могучего защитника простых людей от произвола и деспотизма богов – Карл Маркс называл «самым благородным святым и мучеником в философском календаре». Ради счастья людей Прометей похитил божественный огонь у избранных, чтобы отдать его людям. Наш «Прометей» ставит именно такую задачу – сделать историческое знание уделом многих, осветить (и в прямом, и в переносном смысле) самые яркие эпизоды истории освободительного, антиабсолютистского движения нашего народа. Показать подлинные источники для его вдохновения, а также указать на влияние, которое оно оказало на современников и потомков. Свою задачу мы видим еще и в том, чтобы освободить от наветов и лжи имена замечательных людей, как в истории Родины, так и в истории мировой. Имена тех, которые подобно титану Прометею отдали пламень собственных душ во имя освобождения человека труда – самого благородного и жертвенного дела на Земле.

Данный альманах призван объединить усилия огромного числа ученых, которые в наше предельно трудное для отечественной науки время продолжают заниматься этой исключительно важной для нашей страны темой. Эту тему сегодня категорически не приемлют апологеты «официального» или «государственно-консервативного» взгляда на историю, представители которого безраздельно господствуют в общественно-политическом пространстве, независимо оттого к какой из групп этого, на самом деле единого, лагеря они принадлежат – к условному «либеральному» или условному «консервативному».

Авторы альманаха открыто заявляют, что их главная задача состоит в том, чтобы на основе объективного исторического анализа и объективных данных поставить заслон воинствующим фальсификаторам наиболее героических страниц отечественной истории, и в особенности ее советского этапа, как безусловной вершины в тысячелетнем движении народов России на пути к независимости, свободе и прогрессу. Истории, вместившей в себя ярчайшие страницы, которыми все народы нашей страны по праву могут и должны гордиться, и на примерах которой могут и должны строить свое настоящее и будущее.

Так же, как и многие герои нашего первого и всех последующих выпусков «Прометея», наш альманах отстаивает идеи прогресса, идею поступательного развития человечества. Мы будем спорить, предлагать новые идеи и трактовки, открывать архивы. Отживших «консервативных» стереотипов и представлений об истории Родины (в особенности тех, которые в нашей науке обанкротились еще 200 лет назад) «Прометей» категорически не признает. То же самое относится и к мировой истории, к ее ангажированным интерпретациям, которые, к несчастью, завладели сегодня многими умами.

Свою наиглавнейшую задачу «Прометей» видит в том, чтобы на примерах русского и мирового исторического процессов приучить наш народ к той важной, но категорически неприемлемой для многих представителей сегодняшних «элит» мысли, что не они (эти самые «элиты») и не их нынешние венценосные и скрепоносные кумиры-охранители есть подлинные вершители судеб Отечества и истории в целом. Что именно народ, который должен знать всю правду о своей собственной истории – как раз и является самым первым и самым главным ее создателем и творцом. Именно эту, казалось бы, банальную, но крайне непопулярную сегодня

истину, словно легендарный огонь Прометея, как раз и будет доносить до читателя наш одноименный альманах.

Хотите знать правду о прошлом и настоящем, правду об обществе и государстве, о социализме и черносотенстве, о «святых» царях и полузабытых революционерах-героях? Правду о том, как меняется мир – иногда даже непосредственно на наших с вами глазах? О том, кому выгодны религии и войны, кто и почему стравливает народы и усыпляет в нас классовое сознание?

Читайте «Прометей»! Редакция издания будет признательна всем, кто готов сотрудничать и поддерживать альманах в нашей общей борьбе за объективную историю любыми доступными вам способами: подписывайтесь на него, присылайте свои материалы, обсуждайте его и распространяйте среди товарищей и друзей. Наш альманах сможет сделать важные открытия в области общественных наук только при условии, если мы будем взаимодействовать в режиме диалога и взаимопомощи, если будем вместе. Если мы будем действительно товарищами.

Вместе – победим!

Актуальные биографии

Жизнь и судьба позабытого историка

Талеров Павел Иванович,

кандидат исторических наук, доцент, действительный член
Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

Аннотация. О жизни и творчестве советского историка, чьи студенческие годы пришлись на рост революционной активности в России. В эмиграции примыкал к анархистам, был сподвижником П. А. Кропоткина. В Петербурге посещал заседания Религиозно-философского общества. После 1917 г. занимался журналистской деятельностью, работал в Пролеткульте. С 1920-х гг. собирал материалы об участии русских революционеров в I-м Интернационале и Парижской коммуне.

Ключевые слова: биография, русская история, анархизм, И. С. Книжник-Ветров, П. А. Кропоткин, Д. Богров, Религиозно-философское общество.

Сегодня мало кому известно это имя – Иван Сергеевич Книжник-Ветров (1878–1965), но и при жизни о нём знали немногие. Тем не менее он был писателем и оставил значительное научное литературное наследие¹. Один только его фонд № 352 в Доме Плеханова Отдела рукописей Российской национальной библиотеки насчитывает более 1740 единиц хранения. А есть ещё документы в фонде № 668 Отдела рукописей Пушкинского дома (ИРЛИ). К сожалению, многое, что было написано Иваном Сергеевичем, так и осталось неизданным, хотя автором предпринимались активные усилия публиковаться. Такому положению было несколько причин, главная из которых – суровая сталинская цензура и жёсткая советско-партийная идеология, не допускавшая каких-либо отклонений от генеральной линии. Даже в эпоху «хрущёвской оттепели» консервативные партийные кадры ставили заслон пробивающимся «чужакам». Нельзя, по-видимому, сбрасывать со счетов и негласно существовавший антисемитизм, и непролетарское мелкобуржуазное происхождение...

---

¹ См.: Зегжда Н. А. Список научных печатных работ Ивана Сергеевича Книжника-Ветрова. – Л., 1960. В списке, отражающем период с 1902 по 1947 гг., 373 публикации, основная часть которых – статьи – приходится на предреволюционные и послереволюционные годы (до начала 1920-х гг.). Из крупных работ (книг и брошюр): Смысл пьесы Горького "На дне": Криминальные намеки в пьесе "На дне" [Одесса, 1903], Анархизм, его теория и практика [СПб., 1906], Очерк социальной экономики с точки зрения анархического коммунизма [1908], Общедоступное учение о праве [СПб., 1906], Ливадия и ее герои: [Полит. реплики] [Berlin, 1903], Речи к гражданам обновленной России о текущем моменте [Пг., 1913], Подготовка к Учредительному собранию [Пг., 1913], Новая Россия и евреи: Книжка религ. – ист. для солдат, рабочих и крестьян и для духовенства всех религий [Пг., 1917], Пётр Лаврович Лавров: [Его жизнь и деятельность] [М., 1930], А. В. Корвин-Круковская (Жаклар) друг Ф. М. Достоевского [М., 1931], Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны. Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева [М.-Л., 1964] и др. Кроме того, И. С. Книжник-Ветров подготовил к печати избранные сочинения П. Л. Лаврова на социально-политические темы в серии Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев «Классики революционной мысли домарксистского периода» [М., 1934, вышло 4 т. из намеченного восьмитомника] и двухтомник избранных произведений П. Л. Лаврова «Философия и социология» [М., 1965].

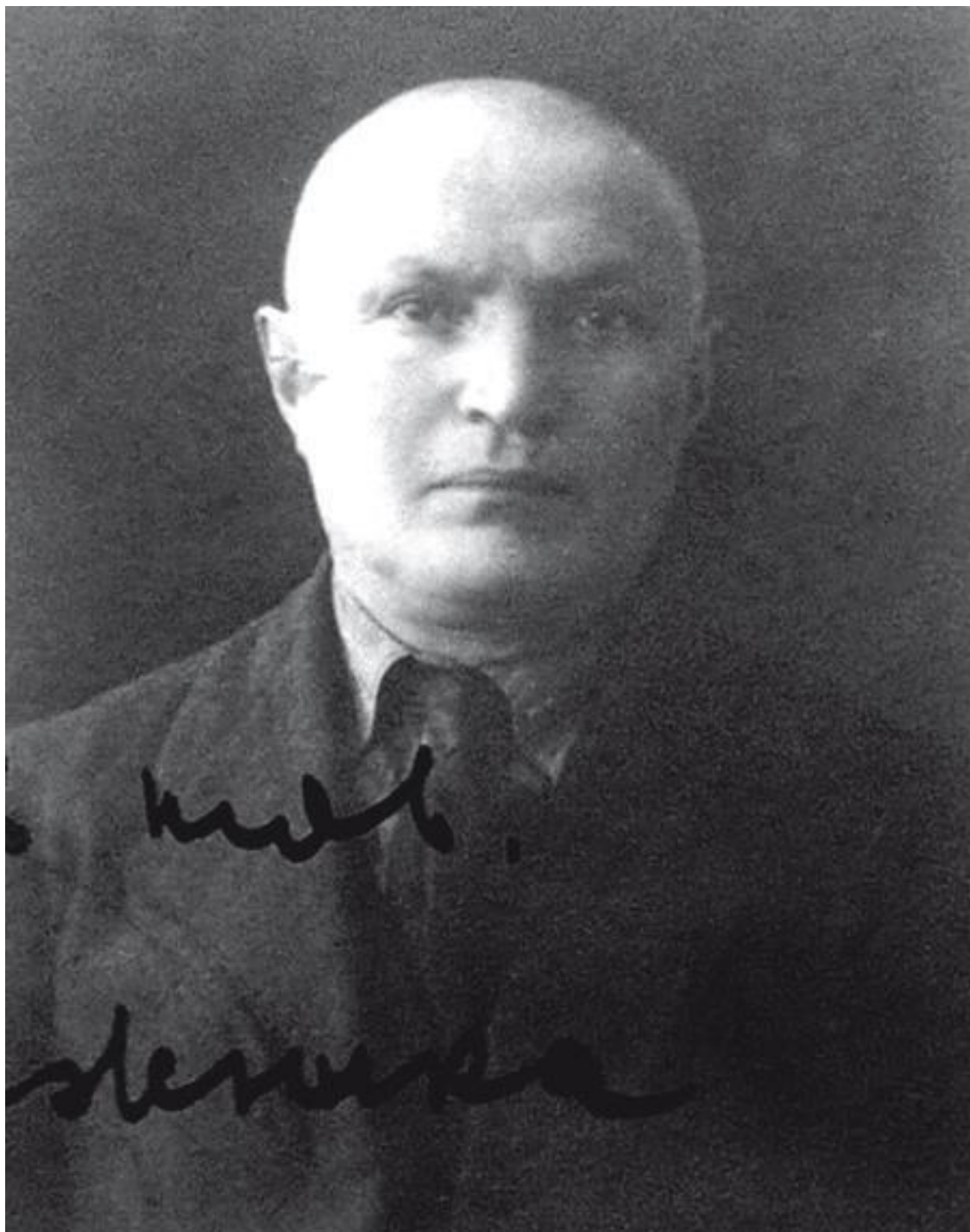

Фото 1. Советский историк и революционер И. С. Книжник-Ветров. Фотография 1926 г.

Чем же может быть интересен нашему современнику Книжник-Ветров? Свои последние годы жизни Иван Сергеевич посвятил написанию мемуаров, небесталанно по крупицам описав свой непростой жизненный путь, совпавший с самыми трагическими страницами истории нашей страны XX века. Эти воспоминания, озаглавленные автором «Записки восьмидесятилетнего» так и не увидели свет. Не смог Иван Сергеевич и защитить докторскую диссертацию, в которой исследовал историю участия русских революционеров в западноевропейском революционном движении: в I-м Интернационале и Парижской коммуне, хотя защита кандидатской, подготовленной на архивных материалах о жизни Елизаветы Дмитриевой, прошла вполне успешно в 1945 г. в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена.

Прожил Иван Сергеевич долгую и удивительную жизнь. В интернетовской Википедии можно прочитать далёкие от полноты и достоверности общие сведения о биографии Книжника-Ветрова, по-видимому большей частью взятые из статьи В. В. Кривенького в известной энциклопедии «Политические партии России конца XIX – начала XX вв.». Проблемы начинаются уже с имени нашего героя. Настоящие его имя и отчество – Израиль Самуилович² (отца звали – Книжник Самуил Александрович, мать – Хазан Ита Шабсовна). Родился 7 (20) июня 1878 г. в бедной многодетной еврейской семье кустика-переплётчика³ (никак не «бедного» раввина) в г. Ананьеве Херсонской губ. (после революции город стал относиться к Одесской обл.). Иваном Сергеевичем Израиль Самуилович стал после крещения в Петрограде в 1915 г. и женитьбе на православной Аристовой Марии Никитичне (1890 г. р., родом из г. Короче Курской губ.). После этого Иван Сергеевич в своих анкетах стал указывать себя русским, хотя в конце 1940-х однажды в 5-й графе «национальность» написал «еврей».

Казусом стало упоминание в биографиях будто бы его настоящей фамилии – Бланк. А Википедия даже поёрничала, ссылаясь в рубрике «Курьёзы» на описанный в «Книжном обозрении» 1980-х гг. случай: когда Книжник «нашёл в "Словаре псевдонимов" И. Ф. Масанова своё настоящее имя – Израиль Самойлович Бланк, он высказал своё искреннее недоумение: он давно привык считать себя русским человеком». К сожалению, автор заметки не стал докапываться до сути, которая, как оказалось, лежала на поверхности: фамилией Бланк Книжник воспользовался, когда был за границей в начале XX в., где на полулегальном положении занимался революционной деятельностью. Тем не менее, полиции эта его деятельность была хорошо известна и в соответствующих отчётах, поступающих от агентов в Россию, писалась как его подлинная фамилия, так и по паспорту, по которому он тогда жил⁴.

Действительно, И. С. Книжник-Ветров крайне удивился (если не сказать – возмутился), увидев такой казус в словаре у Масанова⁵ да ещё и в «Летописи жизни и творчества А. М. Горького»⁶. Всё это заставило Ивана Сергеевича обратиться с письмом к директору Института мировой литературы с просьбой исправить ошибку: «Я жил в эмиграции в 1905–1909 гг. по паспорту Бланка. Покойный Масанов на этом "основании" приписал мне в 1-м томе "Словаря псевдонимов" эту фамилию. Но в 3-м томе это недоразумение исправлено в "дополнениях"⁷, а у Вас этого не заметили. Прошу Вас в 4-м томе "Летописи" поместить заметку, исправляющую эту ошибку. Моя фамилия Книжник, старейший псевдоним – Ветров, с 1930 г. я подписываюсь Книжник-Ветров»⁸. И на самом деле, в 4-м выпуске «Летописи...» [С. 720] такое исправление было сделано.

Иван Сергеевич, подписывая свои статьи, пользовался разными псевдонимами: Сергей Верусин, Андрей Кратов, И. Надеждин, И. Исаев, И. В., «бывший юрист», «интеллигент из народа» и др. Но ближе других ему был «И. Ветров». Интересную историю этого литературного псевдонима, органично затем вписавшегося и в саму фамилию историка, можно узнать из заметки исследовательницы Н. А. Зегжды⁹. Взял этот псевдоним Книжник после того, как 19-летним впечатлительным юношей узнал о произошедшей 8 февраля 1897 г. в Петербурге трагедии и последовавшими за ней событиями. Мария Федосеевна Ветрова, курсистка Выс-

² И не какой ни Самойлович, ни Соломонович, как можно встретить у «биографов».

³ Откуда, по-видимому, и пошла фамилия «Книжник».

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. Опись 1908. Ед. хр. 12. Т. 1. Ч. 2. Л. 237.

⁵ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. В 4 т. – Т. 1. – М., 1956. – С. 238.

⁶ Летопись жизни и творчества А. М. Горького. – Вып. 3. 1917–1929. – М., 1959. – С. 63 [запись от 7.01.1917 о статье Книжника «Интеллигент из народа» о Горьком в газете «Правда»].

⁷ См.: Масанов И. Ф. Указ соч. – Т. 3. – М., 1958. – С. 357

⁸ ОР РНБ, Дом Плеханова. Ф. 352. Ед. хр. 1643. Л. 6.

⁹ Зегжда Н. А. История одного псевдонима // Смена. – Л., 1958. – № 96. – 24 апреля. – С. 2.

ших женских курсов, активно участвовала в работе подпольной Лахтинской типографии, в результате разгрома которой летом 1896 г. была арестована и после безуспешных допросов в Доме предварительного заключения переведена в одиночную камеру Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Тяготы тюремного пребывания, постоянные унижения со стороны жандармов, глубокая депрессия привели, в конечном счёте, к нервному срыву – Мария опрокинула на себя горящую керосиновую лампу и после нескольких дней мучений скончалась от ожогов. Об этом происшествии стало известно в студенческой среде, и по всей стране прокатились выступления против властей, известные в истории как «ветровские демонстрации».

С этого момента И. Книжник, ставший в августе 1897 г. студентом историко-филологического факультета Киевского университета св. Владимира, «покаялся неустанно бороться против царского самодержавия и всех его гнусностей и решил сохранить для этой борьбы имя Ветровой в качестве псевдонима». Имя девушки связывалось у него «с могучим и вольным ветром революционной борьбы, который веял над всей страной»¹⁰.

В студенческие годы И. Книжник овладевал не только знаниями научных дисциплин (а с 1898 г. он учился ещё и на юридическом факультете), но и методами протестных движений в студенческой среде, что, в конечном счёте, завершилось арестом и заключением в Лукьяновскую тюрьму¹¹ в Киеве в феврале 1902 г. и высылкой в мае того же года на родину под надзор полиции. И здесь он нашёл себе общественную работу, организовав социалистический кружок среди народных учителей и земских служащих. Вместе с тем, благодаря ходатайству одного из профессоров Киевского университета, Книжнику удалось сдать экстерном экзамены за университетский курс юрфака и получить диплом о высшем образовании.

Социалистическую пропаганду И. Книжник не оставил даже тогда, когда в связи с начавшейся войной с Японией его осенью 1904 г. призвали на военную службу и отправили в Кишинёв в 14 артиллерийскую бригаду. Правда, уже в октябре он, предупреждённый о грозящем аресте и военном суде, бежал за границу. В Париже Книжник примкнул к группе анархистов-коммунистов П. А. Кропоткина, вёл агитацию среди рабочих-эмигрантов, осенью 1907 г. участвовал в известном съезде анархистов-коммунистов в Лондоне, работал в редакции «Листков "Хлеб и воля"», о чём подробно поведал в 1922 г. в «Красной летописи»¹². Свои воспоминания И. Книжник завершил панегирически: «Уверен, что и моё поколение и ближайшие два – три, чем более будут знать Кропоткина и дело его жизни, тем более будут его любить и ценить». Хотя вместе с тем мемуарист вынужден был (дань времени) сослаться на ошибочность тактики П. А. во время 1-й мировой войны и диктатуры пролетариата в России¹³.

В феврале 1909 г. Книжник приехал в Петербург для ведения революционной анархической работы, но уже 22 марта был арестован, как выяснилось позже, по доносу небезызвестного Д. Богрова, убившего впоследствии П. А. Столыпина. Более того, паспорт, по которому И. Книжник нелегально вернулся в Россию, предоставил ему как раз тот же Дмитрий Богров¹⁴. Сосланный на три года в Тобольскую губ. Книжник столкнулся с совершенно далёкими от социализма анархистами-экспроприаторами, взгляды и действия которых разочаровали его во всей идеологии анархизма.

¹⁰ Там же.

¹¹ Сохранился интересный эпизод в воспоминаниях О. Пятницкого об И. Книжнике – см.: Пятницкий О. А. Записки большевика. Изд. 5-е. – М., 1965. – С. 31–32.

¹² Книжник И. С. Воспоминания о П. А. Кропоткине и об одной анархистской эмигрантской группе (Страница из истории нашего революционного движения) // Красная летопись. – Пб., 1922. – № 4. – С. 28–51.

¹³ Там же. – С. 51.

¹⁴ Запись офицера охранки донесения Д. Богрова от 27 марта 1908 г.: «Ветров в России, внутренний паспорт его на имя Розенблюма выдан в Красноярске 15 ноября 1906 г., еврей» [см.: Струмило Б. Материалы о Дм. Богрове // Красная летопись. – Пб., 1923. – № 9. – С. 185; Книжник И. Воспоминания о Богрове, убийце Столыпина // Красная летопись. – Пб., 1923. – № 5. – С. 287–294].

Об этом И. С. Книжник-Ветров написал в своей автобиографии 1934 г.¹⁵ Год написания говорит сам за себя, если вспомнить тот сложный исторический период, предшествующий особо жёстким сталинским репрессиям, не обошедших стороной и героя нашего очерка¹⁶. А вот сочувствие к анархистским идеям и их носителям ещё долгое время оставалось в душе Ивана Сергеевича. Интересовался он и взглядами Л. Н. Толстого, его анархо-христианскими воззрениями. Но серьёзного увлечения, судя по воспоминаниям, так и не появилось. Ещё в эмиграции толстовцы в своём парижском журнале «Ere Nouvelle» («Новая эра») опубликовали доклад о русском анархизме, с которым Книжник-Ветров выступил в рабочем кружке. Этот доклад тогда же был перепечатан в итальянских и немецких анархистских журналах. А в Петербурге толстовцы “по недоразумению” (как высказался сам автор) выпустили в 1906 г. в своём издательстве «Обновление» брошюру И. Ветрова «Анархизм, его теория и практика», которая анализировала изученную автором литературу на эту тему, а также включала его впечатления от встреч с анархистами разного толка. На этом издании тогда, по словам В. Г. Чертова, настоял Пётр Прокофьевич Картушин, который сидел когда-то вместе с Книжником в киевской тюрьме¹⁷.

Надо сказать, с анархистами и толстовцами Книжник активно знакомился и общался в эмиграции в Париже, когда около года посещал народный университет 14-го округа французской столицы и когда работал в группе анархистов-коммунистов П. А. Кропоткина. Кроме входящих в эту группу российскими эмигрантами М. И. Гольдсмит, В. И. Фёдоровым-Забрежневым, И. С. Гроссманом-Роциным и др. Ветров познакомился тогда и с зарубежными анархистами: Ж. Гравом, А. Дюпуа, Д. Гильомом, М. Неттлау, а также с известными идеологами и сторонниками религиозного социализма, мистицизма, символизма Д. С. Мережковским, Д. В. Filosoфическим, Н. М. Минским, К. Д. Бальмонтом, А. Белым и др. В эти и последующие годы И. С. Книжник явно находился в состоянии идейного поиска (более того – идейных метаний и разочарований¹⁸), стараясь утвердиться, найти своё место в разношёрстном, раздираемом противоречиями русском обществе начала XX в.

Вернувшись из ссылки в 1912 г. в Петербург, Книжник стал посещать заседания Религиозно-философского общества (РФО). С детства впитавший религиозные предрассудки своей семьи, он, по его собственному признанию, присоединил затем к ним «идеалистические философские и религиозные предубеждения, воспринятые на лекциях профессоров Г. И. Челпанова и князя Е. Н. Трубецкого в Киевском университете и от чтения философских сочинений Вл. Соловьева и Бергсона»¹⁹. Вместе с тем вряд ли можно считать глубокими временные увлечения Книжника обсуждаемыми в РФО религиозными теориями: в его статьях, заметках и записках этого периода можно заметить нотки скептицизма и разочарования, так же как и в отношении толстовства, и анархистского коммунизма. Так, побывав на собрании РФО 15 декабря 1912 г., он написал в газету «Речь» заметку под заголовком «Борьба за религию», в которой критически описал обстановку, сложившуюся в обществе: доклад И. Д. Холопова был длинён, изобиловал цитатами и публика, слушая его, изрядно скучала. Оживление вызвали

¹⁵ ОР РНБ, Дом Плеханова. Ф. 352. Ед. хр. 1. Л. 25–27.

¹⁶ И. Книжник был арестован 23.09.1938 г. в связи с абсурдным обвинением в подготовке покушения на И. В. Сталина, но после почти годового следствия 17.08.1939 г. был освобожден и реабилитирован (см.: РНБ, Дом Плеханова. Ф. 352. Ед. хр. 1626. Л. 1).

¹⁷ ОР РНБ, Дом Плеханова. Ф. 352. Ед. хр. 170. Л. 56, 58.

¹⁸ Известный советский диссидент-советолог М. С. Агурский, защитивший в Иерусалимском университете диссертацию об И. С. Книжнике-Ветрове [“A Millenarian pilgrim’s progress through the Russian revolution. Ivan Knizhnik-Vetrov: Jew, Religious Anarchist, Catholic, Bolshevik, Historian”], такой эпитет дал своему герою этого времени: «любопытный, но ещё не признанный религиозный искатель» [см.: Великий еретик (Горький как религиозный тип) // Вопросы философии. – М., 1991. – № 8. – С. 58].

¹⁹ Цит. по: Книжник-Ветров И. С. Три встречи с Горьким // Вестник молодых учёных. – Сер.: Филологические науки. – СПб., 2000. – № 8. – С. 78.

прения, в которых выступили Е. П. Иванов и Д. С. Мережковский, обвинившие докладчика «в рационализации того, что иррационально», но, по существу, ничего докладчику не возразили и даже «не постарались помочь публике понять его». Такая обстановка подвигла Книжника резко высказаться в отношении РФО: было проведено шесть заседаний, но «в пёстром чередовании докладов нет плана и связи. На каждом собрании вся деятельность общества начинается как бы с самого начала и ничем за вечер не кончается». В борьбе за религию, по мнению автора, РФО «только топчется на одном месте». Занятия в обществе «могли бы много выиграть в основательности и продуктивности своего влияния на русскую интеллигенцию», делает вывод автор, при «некоторой планомерности в чередовании докладов и при более внимательном отношении к каждому докладу в отдельности»²⁰.

В 1916 г. Книжника призвали на военную службу и зачислили нестроевым писарем околотка в 178-й запасной пехотный полк, дислоцирующийся в Старой Руссе. К 1917 г. Иван Сергеевич всё сильнее и сильнее стал симпатизировать большевикам, активно пропагандируя социализм среди солдат. После Февральской революции от полкового комитета его посылают делегатом в Петроградский совет и уже Октябрьский переворот он принимает с большим энтузиазмом и почти с первых дней начинает сотрудничать в газетах «Известия» и «Правда», публикуя статьи с поддержкой новой власти в её планах кардинальных преобразований российского общества. Как пропагандист с большим стажем практической деятельности, Книжник активно включается в распространение и воспитание коммунистического мировоззрения среди народных масс. В послужном списке Ивана Сергеевича в первые послереволюционные годы – заведывание библиографическим отделом в «Красной газете» и отделом народного образования в Петроградском райсовете, работа в Петроградском пролеткульте, в котором возглавлял литературно-научный отдел; был он также членом редакции журнала «Грядущее», организовывал студию пролетарских писателей²¹. Одновременно читал курс политграмоты и курс «Основы коммунизма и Советской конституции» в школе красных командиров, в студиях Пролеткульта, в рабочих клубах, а с осени 1922 г. преподавал историю рабочего движения в Военно-хозяйственной академии, затем – в Петроградском государственном университете и в комвузе имени И. В. Сталина. Короткое время в 1925-м был директором Института книговедения, а по общественной линии активно работал в Петроградском научном обществе марксистов на должности председателя ревизионной и библиотечной комиссий. И, вместе с тем, писал и публиковал свои статьи в различных газетах и журналах: «Книга и революция», «Юный пролетарий», «Красная газета», «Красная летопись» и др. Несколько раз Книжник, изживая в себе «мелкобуржуазную стихию философского идеализма и мистицизма»²², подавал заявление в большевистскую партию, но всякий раз ему отказывали, мотивируя прошлым увлечением анархизмом. Но, как говорил сам Иван Сергеевич, он считал себя «непартийным» большевиком. Вместе с тем его дочь Любовь (1919 г. рождения) состояла в ВКП(б).

В 1925 г. Книжник-Ветров, по его словам, «вплотную приступил к научной творческой работе», собирая разнообразные сведения о деятелях I Интернационала и Парижской коммуны в архивах и иностранной прессе. Этой теме посвятил остальные 40 лет своей жизни. Он публиковал статьи и новые материалы о П. Л. Лаврове, Е. Л. Дмитриевой, Луизе Мишель, о супругах Жакларах, о Е. Г. Бартеневой и др. Дополненная ещё в 1958 г. этими материалами вышеупомянутая защищённая кандидатская диссертация вышла только после вмешательства директора Института истории АН СССР В. М. Хвостова в 1964 г. в виде монографии «Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны. Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар,

²⁰ Речь. – СПб., 1912. – № 348, 19 декабря. – С. 4.

²¹ Некоторые эпизоды этой работы освещены в диссертации: Левченко М. А. Поэзия пролеткульта: Идеология и риторика революционной эпохи: Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб., 2001.

²² Цитата из очередного заявления – от 9 апреля 1943 г. (ОР РНБ, Дом Плеханова. Ф. 352. Ед. хр. 1. Л. 37 об.).

Е. Г. Бартенева». Интересный факт: после выхода этой книги проживающая в Москве внучка Бартеневой, передала автору некоторые личные архивы, среди которых были воспоминания её бабушки о М. А. Бакуanine. И. С. Книжник расшифровал рукопись, подготовил машинописные копии, но так и не успел издать эти весьма интересные мемуары о знаменитом русском анархисте-бунтаре²³.

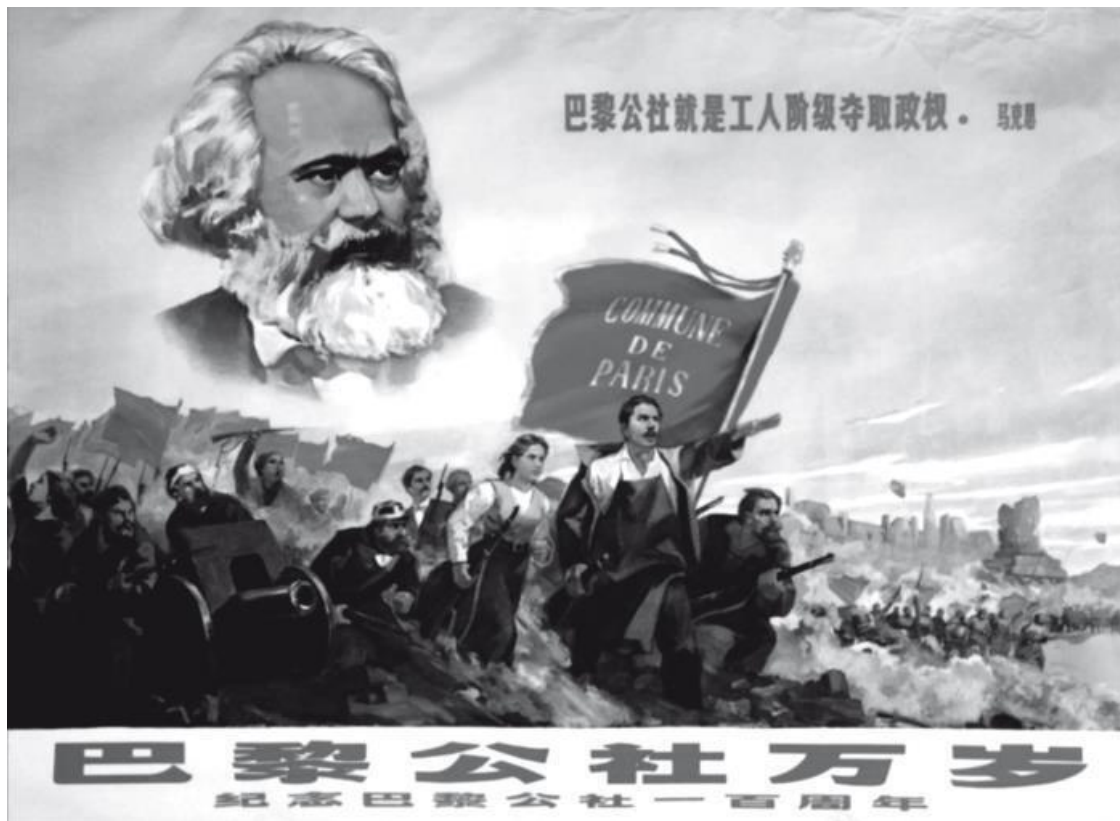

Фото 2. Да здравствует Парижская Коммуна! Политический агитационный плакат времен Великой пролетарской культурной революции в КНР.

Не обошли нашего героя сталинские репрессии: около года обвиняемый в подготовке покушения на вождя народов Иван Сергеевич провёл в застенках НКВД, но был отпущен. Правда сразу после ареста его семья была переселена с отдельной квартиры в коммунальную...

Перед самой войной И. С. Книжник-Ветров работал в Архиве Октябрьской революции старшим научным сотрудником и заведующим библиотекой и читальным залом. В августе 1941 г. это учреждение было «свёрнуто» из-за войны и только через год (с 16 сентября 1942 г.), пережив страшную блокадную зиму, Книжник получил работу в Библиотеке Академии наук СССР в качестве старшего библиотекаря. Здесь же и в такой же должности стала трудиться и его супруга – Мария Никитична, которая до войны работала товароведом на находящейся недалеко от их дома тюлевой фабрике (Ленинградской государственной гардинно-тюлевой фабрике им. К. Н. Самойловой).

Уже в весьма солидном возрасте (в 1949–1950 гг.) И. С. Книжник-Ветров сделал неудачную попытку на материалах своих многолетних изысканий защитить докторскую диссертацию на тему «Первый Интернационал, Парижская коммуна и русские революционеры – их участ-

²³ Бартенева Е. Г. Un homme charmant: О М. А. Бакуanine / Подбор текста, публ., прим. – П. И. Талеров // Человек из трёх столетий (Прямухинские чтения – 2014: Междунар. конф., посв. 200-летию со дня рождения М. А. Бакунина). – М.: Тип. «Футурис», 2015. – С. 311–324.

ники. Очерки и материалы о мировом влиянии марксизма в 1860-е годы». Два объёмистых тома он послал в один из московских вузов (МГПИ им. В. И. Ленина), от которого в конечном счёте получил разгромную рецензию и отказ в допуске к защите. Попытки апеллировать в ВАК также не принесли успеха²⁴.

С 1909 г. и до последних своих дней И. С. Книжник-Ветров жил в северной столице. После ссылки Иван Сергеевич проживал в Петербурге на снимаемых квартирах (вот несколько его адресов, выявленных по архивным источникам: Фурштатская ул., 9, кв. 37; Свечной пер., 5, кв. 20; Баскова ул., 14²⁵, кв. 38). С 1914 г. до начала 1920-х гг. Книжник-Ветров проживал с семьёй в знаменитом Доме писателей на наб. реки Карповки, 19, затем переехали на ул. Красных Зорь (позже – пр. Кирова, ныне – Каменноостровский пр.), дом 26–28, кв. 96. Последний адрес коммунальной квартиры, куда семью переселили в годы сталинских репрессий после ареста Ивана Сергеевича по вымышленному обвинению – в том же доме, но со входом с параллельной улицы: Кронверкская ул., 23/59, кв. 28.

Иван Сергеевич Книжник-Ветров жил в сложное время, судьба его была непростой и, тем не менее, прожил яркую и долгую жизнь. Чудом уцелевший от молоха сталинских репрессий он стал свидетелем многих трагических страниц нашей истории, о чём пытался откровенно рассказать своим современникам и потомкам. Однако наследие, которое он оставил после себя, ещё ждёт своего пристального и скрупулёзного исследователя.

Литература

1. Зегжда Н. А. История одного псевдонима // Смена / фото Г. Лугового. – Л., 1958. – № 96. – 24 апреля. – С. 2.
2. Зегжда Н. А. Список научных печатных работ Ивана Сергеевича Книжника-Ветрова / Ред. А. П. Могилянский. – Л.: тип. ГПБ, 1960. – 39 с.
3. Институт русской литературы (Пушкинский дом) (ИРЛИ РАН). Рукописный отдел. Фонд 668. Книжник Иван Сергеевич.
4. [Книжник-]Ветров И. [С.] Анархизм, его теория и практика. – [СПб.]: Обновление, 1906. – 32 с.
5. Книжник[-Ветров] И. С. Воспоминания о П. А. Кропоткине и об одной анархистской эмигрантской группе (Страница из истории нашего революционного движения) // Красная летопись. – Пб., 1922. – № 4. – С. 28–51.
6. Книжник-Ветров И. С. Русские деятели Первого Интернационала и Парижской коммуны: Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева. – М.; Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1964. – 358 с., 3 л. порт. – (АН СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории).
7. Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. Дом Плеханова. Фонд 352. Книжник-Ветров Иван Сергеевич.

---

²⁴ ОР РНБ, Дом Плеханова. Ф. 352. Ед. хр. 133.

²⁵ В этом доме значительно позже в квартире № 14 в детские годы жил президент РФ В. В. Путин.

«Азеф в юбке» Страницы биографии Зинаида Федоровна Жученко-Гернгросс

Кононова Ольга Алексеевна,
*историк, политолог, участник Клуба
левых историков и обществоведов*

В августе 1909 года ЦК Партии социалистов-революционеров опубликовал сообщение:
«ЦК ПСР доводит до всеобщего сведения, что Зинаида Федоровна Жученко, урожденная Гернгросс, бывшая членом ПСР с сентября 1905 г., уличена, как агент-provокатор, состоявшая на службе ДП²⁶ с 1894 года.

Началом ее провокационной деятельности была выдача, так называемого Распутинского дела (подготовка покушения на Николая II в 1895 году).

В ПСР Жученко работала, главным образом, сначала в Московской организации, а потом и при Областном Комитете Центральной Области.

Последнее время проживала в Германии, но в заграничных организациях с.-р. не принимала никакого участия.

*27/14 августа 1909 г».*²⁷

Как раз в это время партия переживала тяжелейший удар – разоблачение провокаторской деятельности Евно Азефа – одного из главных партийных авторитетов, лидера Боевой организации, на счету которой несколько удачных покушений на царских сановников. И вот еще один провокатор открылся в партийных рядах – женщина. «Азеф в юбке» – так прозвали ее французские газеты.

Зинаида Федоровна Гернгросс родилась 18 октября 1872 года, происходила из дворянской семьи. Гернгроссы были родом из Голландии. Предки по отцовской линии в 16 веке осели в Лифляндии и поступили на службу к русскому царю. А вот мать была бывшей крестьянкой семьи Гернгроссов. Зинаида окончила Смольный институт. Как и многие молодые девушки тех лет пыталась зарабатывать частными уроками. Видимо, это была не просто дань моде, но, действительная нужда, т. к. семья была небогата. Кроме этого, ее отношения с родителями оставляли желать лучшего. Она считала их «чуждыми по духу», называла «бюрократами».

---

²⁶ Департамента полиции.

²⁷ Знамя труда. 1909 г., № 20.

Фото 3. Фотокарточка Зинаиды Федоровны Жученко-Гернгросс в специальном издании Департамента полиции. Типография Министерства внутренних дел, 1903 г.

Вот как описывали внешность Зинаиды, знавшие ее люди: «Она – очень высокого роста и очень худощава; правильное, симпатичное лицо с высоким лбом обрамлено светлыми, не густыми волосами. Золотые, под цвет волос, очки никогда не покидают ее носа. Сквозь них виднеются серые, слегка как бы задумчивые, всегда смотрящие прямо и уверенно, глаза. .... Узкие плечи, длинные, тонкие руки и выдающиеся углы лопаток очень портят ее фигуру. Только привычка держаться, зная слабые стороны своего сложения, скрадывает то неприятное впечатление, которое сближает ее извивающееся тело с хитрым пресмыкающимся»²⁸. Ассоциации с «пресмыкающимся», естественно, более поздние, отмеченные «задним числом», уже после разоблачения. Во времена ее активной работы в партии социалистов-революционеров никто не замечал в ней двуличия и коварства. Скорее, наоборот.

Бывший начальник Московского охранного отделения полковник П.П. Заварзин, общавшийся с ней в 1910 г., оставил схожее описание внешности, с той лишь разницей, что привлекательной он ее не находил – «красотою не отличалась»²⁹. При этом Заварзин вспоминает, что с первых же минут общения становилось понятно, что перед тобой человек с «большим характером» и «незаурядным умом», в ее глазах отражались свойственные умной женщине «проницательность, хитреца и увлечение» – увлечение любимым делом. Революционный публицист, гроза провокаторов, Владимир Львович Бурцев, в свою очередь, отмечал в Гернгросс внешний аристократизм и, воспитанность. Она увлекалась классической музыкой и регулярно посещала оперу.

В общении она, действительно, проявляла себя как женщина, умеющая к себе расположить – спокойная, рассудительная, вместе с тем, «нередко веселая». Ее возраст (на момент

²⁸ Прибылев. А.В. Зинаида Жученко. Пг., 1919 г. С. 4–5.

²⁹ Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. Париж, 1930 г. С. 191.

активной работы в партии ей было около 30 лет) и развитый ум позволяли ей говорить на одном языке и с более старшим поколением, революционерами 1880-1870-х гг., и с молодежью. С первыми она проявляла заинтересованность их опытом, историей движения, а со вторыми «была не прочь развлечься доступными удовольствиями, поболтать на свободе о пустяках, иногда подурочиться»³⁰.

Какой же путь привел благородную девицу в Департамент полиции? Однозначного ответа нет. Известно, что в 1893 году молодая смолянка, каким-то образом (якобы, через околотоchnого надзирателя, который, знал, что Зинаида ищет уроки и ей необходим заработок) знакомится с жандармским полковником Г.К. Семякиным. Тогда же, видимо, она и становится агентом³¹. Была ли она на тот момент членом какой-либо подпольной организации? Вопрос открытый. Она сама утверждает, что воспитывалась в ненависти к революционерам и их идеям. Единственное, что ее беспокоило при принятии решения о «сотрудничестве» (как она вспоминала позже) – готова ли она пережить «гражданскую смерть», которая всегда угрожает секретному агенту. Физической смерти она никогда не боялась.

В 1894 г., якобы, по семейным делам, Гернгросс приезжает в Москву, где тут же попадает под крыло знаменитого С.В. Зубатова (тогда еще заместителя начальника Московского охранного отделения) и работает с ним до апреля 1895 г.

Первое серьезное дело Гернгросс – т. н. «Дело Распутина» (о котором и упоминалось в разоблачительной публикации эсеров). В конце 1894 г., благодаря перлюстрации, полиция узнает, вокруг студента И.С. Распутина сформировался противоправительственный кружок, обсуждается крамола. В частности, в письмах членами кружка высказывались соображения о готовности народных масс к революции: «Интеллигенция готова, народ поддержит ее, недостает только руководителя, героя, но он явится, мы его создадим...»³².

Кружок Распутина вырос из сибирского студенческого землячества. Но был ли он, действительно, так опасен? (Хотя Департамент полиции обвинял их именно в терроре и назвал не иначе как «распутинским террористическим кружком»). Бывший сотрудник московской охраны Л.П. Меньщиков выражает некоторые сомнения по этому поводу: «... не явилась ли идея о покушении первоначально у самого охранного отделения, которому, в виду предстоящей коронации, было очень выгодно создать громкое дело, чтобы хорошенько отличиться?»³³ Предположение Меньщикова находит подтверждение. Именно Гернгросс переводила иностранные химические пособия по изготовлению взрывчатых веществ и оказывала активное содействие в приобретении необходимых ингредиентов, хранила их у себя, подыскивала место для испытаний («проб»).

За членами кружка было установлено наружное наблюдение. (Уточним, что внешнее (наружное) наблюдение, по правилам, ничего не знало о внутренних сотрудниках и наоборот – это делалось для дополнительного контроля полиции над своими агентами и во избежание случайных провалов). Основными объектами слежки были четыре человека – сам Распутин, В.Д. Бахарев (химик), Т. Акимов и, собственно, Гернгросс. Из филерских отчетов мы узнаем, что молодые люди посещали аптеки, «электро-технический магазин», скобяную лавку, кладбище. Например: «25 апреля. Распутин и Бахарев пошли на Ваганьковское кладбище, перелезли через ограду в овраг у железнодорожного полотна; вскоре филеры услышали выстрел и увидели дым; наблюдаемые удалились потом на Ходынское поле; наблюдавшие подобрали в овраге стеклянную колбочку с желтоватым порошком...»³⁴.

³⁰ Там же. С. 5

³¹ Во всеподданнейшем докладе П.А. Столыпина от 12 октября 1909 г. (касательно службы Гернгросс и оформления ей пенсии) сообщается, что именно в 1893 г. она поступила на секретную службу.

³² Меньщиков Л.П. Охрана и революция. Ч. 1. С. 267

³³ Там же. С. 264.

³⁴ Меньщиков Л.П. С. 267. Порошок – тринитрофенол в сплавленном виде.

Арест неудачливых злоумышленников был произведен 6 мая 1895 г., из квартиры Бахарева изъяты химические вещества. Молодые люди, в пылу юношеского идеализма сами дали на себя показания. Они заявили, что «целью жизни надо поставить вопрос о голодных и раздетых», а обратить внимание власти на это можно лишь путем террора. При этом при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что большинство т. н. «террористов» вовсе не разделяли идеи Распутина и его «стана погибающих за великое дело любви». А самыми активными деятелями кружка были Распутин, Бахарев и Гернгросс.

Зинаида, естественно, была задержана вместе со всеми. 11 месяцев она просидела в предварительном заключении в Бутырке и весной 1896 г. выслана под надзор полиции на Кавказ, в Кутаис к родственникам. Она получила 1000 рублей вознаграждения, а Зубатов – орден св. Владимира.

На Кавказе она дистанцируется от местных оппозиционно настроенных кружков, не поддерживает старых знакомств и не заводит новых. Успевает выйти замуж и родить ребенка. Ее муж, студент Жученко, учится в Дерпте. В своей заметке Бурцев пишет, что Зинаида называла его «самым лучшим человеком, которого она встречала в жизни», но, понимала, что, если бы он узнал, чем она занимается, то «убил бы ее»³⁵.

В начале 1900-х, Зинаида сбегает от мужа в Европу, начинает распространять слухи о том, что он, якобы, избивал ее (надо же было объяснить неожиданный разрыв с ним). Видимо, это был период какой-то усталости от людей. Она решает отойти на некоторое время и от работы, отдаться воспитанию сына. С этой целью Жученко-Гернгросс осела в Гейдельберге. Но отдыхать ей пришлось недолго. В 1903 г. эсеры осуществили очередной теракт – убит уфимский губернатор Н.М. Богданович. Боевая организация все выше поднимает голову. В Департаменте вспоминают о Зиночке. В 1904 г. она уже налаживает связи с эсерами в Гейдельберге. От своего бывшего патрона Зубатова, на тот момент опального, она получает напутственное письмо со свойственными автору ехидными оборотами: «Сердечно радуюсь, мой дивный друг, что в вашей купели замутилась вода... Во-первых, расправите косточки и выйдете из нирваны, а свежий воздух и движение – вещь очень хорошая; а во-вторых – дело будете иметь с человеком, которого я очень ценил и уважал. Г³⁶. – большой деляга: скромн, осторожен, выдержан; словом – с ним не страшно. Дай бог вам «совет да любовь»³⁷.

В 1905 году Гернгросс приезжает в Россию с заданием. Она становится, ни много ни мало, секретарем боевой организации областного комитета и принимает активное участие в событиях первой революции. В круг ее обязанностей входили: вербовка дружинников, снабжение оружием, распространение литературы и др. Зинаида пользовалась всеобщим доверием. Товарищей подкупали ее ответственность, готовность взяться за любую работу, при этом скромность и абсолютное (видимое) отсутствие тщеславия. Гернгросс отличало умение входить в доверие, не проявляя излишнего любопытства. В 1908 г. на съезд эсеров в Лондоне ее пригласили лично, по телеграфу, как представителя от Москвы. Информация о том, что обсуждалось на съезде, поступала в Департамент полиции от Евно Азефа и Гернгросс. Как-то она сказала: «Я избалована беспредельным уважением к себе»³⁸.

Было ли в этой женщине место человеческим чувствам? Известно, что она очень любила своего сына и переживала за его судьбу. Но испытывала ли она нечто похожее на любовь к кому-либо еще?

Здесь, наверное, стоит сказать о главе московской организации – неудавшемся террористе М. Сладкопевцеве по кличке «Казбек». Натура поэтическая, отчасти декадентская, нерв-

³⁵ Русские ведомости, № 295, 1910 г.

³⁶ Гартинг А.М. (Геккельман Авраам-Аарон Мойшевич, он же Ландезен Михаил) (1861-?) – агент, позже чиновник Департамента полиции, один из руководителей политического сыска в царской России.

³⁷ Цит. по: Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М., 2004 г. С. 248.

³⁸ Русские ведомости. № 295, 1910 г.

ная. «Таких людей, далеких от миросозерцания представителей 70-х и начала 80-х годов, к тому времени появилось не мало, и Казбек несомненно был из их числа. В этом отношении он, быть может, даже переходил известные границы; по крайней мере, в конце его пребывания в Москве стало известно, что он возмнил себя поэтом-декадентом и имеет уже готовую для издания книжку стихов. Все это, конечно, давало само по себе мало гарантий за успешность его боевых начинаний...»³⁹. Но провалы любых начинаний дружины объяснялись далеко не только малопригодным для дела революции Казбеком, но и непосредственной близостью к нему «роковой женщины» Зинаиды Гернгросс.

Вообще взаимоотношения Гернгросс и Сладкопевцева полны драматизма. Последний, судя по всему, испытывал к ней какие-то живые, человеческие чувства. До последнего, не веря в то, что Зинаида агент полиции, он писал, разоблачившему ее Бурцеву: «Я ошеломлен. Мне не верится. Ведь провокация Ж. касается меня больше, чем кого-либо другого... обо мне лично она знала все. Во время нашей совместной работы не было ни одного ареста, который можно было бы объяснить ее провокацией. Правда, была арестована только что сформированная мною боевая дружина... В момент ареста этой дружины ею не было совершено ничего, что можно было бы рассматривать как политическое преступление. Наконец, – и это самое важное, – для чего нужно было Жученко спасать меня? ... Ведь изо всей нашей компании человеком наиболее скомпрометированным был я... Сомнений у меня очень много. Осветите мне все это дело... Я отдал делу революции больше, вероятно, чем Вы думаете. Поэтому я имею право настаивать, чтобы у меня не отнимали по крайней мере последней веры в людей. Я прошу Вас сообщить мне все, по возможности, данные о Жученко. Она была для меня не только товарищ, но и близкий, очень близкий человек»⁴⁰.

В ответ на излияния души бывшего близкого товарища, Гернгросс высмеяла его. Через Бурцева она ответила Сладкопевцеву: «... мое начальство и я никогда не смотрели на вас как на серьезного революционера, и я взялась сама спроводить Вас из Москвы, что мне, принеся некоторую материальную жертву, и удалось. ... мне было жаль Вас как больного человека, и Вы уехали на юг»⁴¹. Но, все-таки, при более внимательном прочтении в этих словах можно уловить неслучайность предоставленной Зинаидой Сладкопевцеву возможности уехать, избежать ареста. Было или не было что-то с ее стороны к этому мужчине – так и останется тайной. Сладкопевцев, разбитый параличом, скончался в Ницце в 1913 году.

Нежные отношения связывали Зинаиду и с представителями противоположной стороны баррикад. В 1906–1907 гг. начальником Московского охранного отделения был подполковник Е.К. Климович, под бережным руководством которого Зиночка работала особенно вдохновенно и эффективно⁴². В этот период была проведена подготовка покушения на московского градоначальника А.А. Рейнбота (февраль 1907 г.). Именно Гернгросс подала идею «убийства» градоначальника и снарядила на дело в Большой театр террористку Фруму Фрумкину. Из материалов допроса А.А. Рейнбота Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г.:

СУД Председатель. – Мы здесь установили такую точку зрения, что провокация есть участие секретного сотрудника в активных действиях, т. е. в преступлении, и одновременное состояние его на службе в охранном отделении, при чем это действие его может сводиться к участию в партийной организации или в отдельных актах, например, террористических. Ведь,

³⁹ Прибылев А.В. Зинаида Жученко. Пг., 1919 г. С. 10.

⁴⁰ Цит. по: Прибылев. А.В. Зинаида Жученко. Пг., 1919 г. С. 12.

⁴¹ Там же. С. 13.

⁴² В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Бурцев говорит следующее: «... она была агентшей Климовича и, кроме того, непосредственно в очень близких с ним отношениях». См.: Показания В.Л. Бурцева 1 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 1. Л., 1926 г. С. 323.

вам известно, может быть, *post factum*, что было довольно легко открыть покушение на Вас Фрумы Фрумкиной, т. к. Жученко даже сама пришивала Фрумкиной карман, куда револьвер клала, отправляя ее в театр, и т. д.⁴³

Фрумкина была задержана, помещена в Бутырскую тюрьму, впоследствии казнена по приговору военного суда.

В 1916 г., будучи в должности директора Департамента полиции, Климович, как мог, оказывал финансовую поддержку дорогой его сердцу Зинаиде Федоровне, оказавшейся в немецкой тюрьме по подозрению в шпионаже. Об этом свидетельствует перед ЧСК Бурцев, встречавшийся с Климовичем буквально за год до революционных событий: «Я вчера получил документы о том, что Климович посылал ей деньги в тюрьму в Германию в 1916 году – целый год...»⁴⁴.

Фото 4. Рабочая обстановка типичной подпольной типографии XIX в.

Вообще среди т. н. заслуг перед Департаментом у Гернгросс не было незначительных. При ее непосредственном участии были раскрыты четыре эсеровские типографии и химическая лаборатория и др. А их tandem с Климовичем можно назвать «звездным». Все тот же Бурцев сообщает: «Так вот: роль этой Жученко я считаю одной из самых характерных в области провокации. И роль Климовича, в этом отношении, – столь же характерной. ... В 1906 г. она была членом боевой организации эсеров, в Москве, была адъютантом при Сладкопевцеве .... Эта группа совершила целый ряд террористических актов, совершила экспроприацию. В курс всего этого была введена Жученко, и сама принимала участие в этих делах. ... она была посредницей между Азефом и местными боевиками. Она, провокаторша, приводила к провокатору всех боевиков, рекомендуя их и посылая для дальнейшей активной деятельности. Она же создала новые организации. Вот какая ее роль в этом деле. ... Вот это я считаю типичным

⁴³ Допрос А.А. Рейнбота (Резвого) 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 6. Л., 1926 г. С. 124.

⁴⁴ Показания В.Л. Бурцева 1 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 1. Л., 1926 г. С. 329.

проявлением провокации со стороны Климовича и Жученко, так как она была членом упомянутой организации»⁴⁵.

К концу 1908 г. Зинаида почувствовала близость провала, стала размышлять – бежать, скрываться или подождать? А через несколько месяцев в редакцию «Былого», к Бурцеву, пришел некий «общественный деятель», который, поведал о своей встрече с бывшим директором Департамента полиции С. Г. Коваленским. Последний, в частности, намекнул, что революционеры часто бывают жестоко обманываемы «самыми близкими людьми». И привел в качестве примера «женщину, близкую к боевым сферам», которая работает по заданию Департамента в Москве. Позже, по настойчивому требованию эсеров осведомитель назовет фамилию Гернгросс, к сожалению, слишком поздно для другой, ни в чем не повинной женщины.

Дело в том, что эсеры на тот момент уже подозревали свою соратницу Татьяну Лапину, которая опрометчиво слишком эмоционально защищала практически разоблаченного на тот момент, Азефа: «Если Азеф провокатор, то и я!». О Лапиной поползли слухи, остановить которые в такой острой ситуации было трудно. Она требовала судебного разбирательства, стремилась оправдать свое честное имя, но в результате, просто не выдержала психического давления и покончила с собой⁴⁶.

А Гернгросс в феврале 1909 г. убегает за границу. На ее московской квартире полиция устроила показательный обыск со вспарыванием диванов и т. д. Но Бурцев все еще сомневался. В июне 1909 года он назначил свидание в горах Савойи бывшему чиновнику по особым поручениям Московского охранного отделения Меньщикову, который говорил уклончиво и отвечал вопросами на вопросы: «У вас есть сведения, что она агент-провокатор?» Бурцев пошел ва-банк и сказал, что уверен. В ответ получил подтверждение, полунамекami – это профессиональный «язык» бывших охранников, но для Бурцева вполне ясный и однозначный.

В августе 1909 г. Бурцев приехал в Берлин, в предместье Шарлоттенбург, для личной встречи с Зинаидой. Вот как он сам (в данном случае – в третьем лице) описывает свое появление в квартире Жученко: «Он шел и от поры до времени останавливался около афиш, будто читая их. А, на самом деле смотрел, не следят ли за ним. Но слежки не было, и он осторожно юркнул в подъезд одного дома. Поднялся на 3-й этаж и позвонил. Ему отворили дверь. – Здесь г-жа Жученко? – спросил он. – Здесь. – Я к ней по делу. – Войдите»⁴⁷. Статья о встрече Гернгросс и Бурцева была написана со слов последнего сотрудником «Русских ведомостей» Н. Каржанским и опубликована под псевдонимом «Н. Волков» в двух номерах издания за 1910 г.

Итак, от наблюдательного взгляда охотника за провокаторами не ускользает ни одна мелочь. Бурцев отметил уютную, буржуазную обстановку (мягкая мебель, гравюры, цветы, рояль с нотами). Вбежавший в комнату мальчик лет 10–11 позвал мать, и перед Бурцевым предстала высокая, стройная женщина в очках, лет 35, напоминавшая учительницу.

⁴⁵ Там же. С. 329–330.

⁴⁶ Знамя труда, № 19. 1909 г. С. 15–16. Т. Лапина род. в 1876 г в г. Гродно. Окончила гимназию и зубо-врачебную школу в Варшаве. Там же познакомилась с революционной литературой, переехала в Петербург и занялась ее распространением, уделяя время самообразованию, вошла в Красный Крест. Вернувшись в Гродно, Лапина начала объединять вокруг себя молодежь. В 1899 г. она впервые арестована. На допросе Лапина демонстративно молчала: «Ниже чести революционера разговаривать с ними». Сразу же после освобождения она сразу уехала за границу с поручениями от петербургской группы «Рабочее Знамя». Будучи поклонницей Плеханова, она, тем не менее, приветствовала террор как метод революционной борьбы. Вернувшись в Россию, продолжила работу вплоть до ареста в 1902 г. В тюрьме она пересмотрела свои убеждения, порвала с социал-демократами и уехала снова за границу, где познакомилась с М. Гоцем и вступила в ряды Партии эсеров. Вскоре, уже как эсер, продолжила работу в Киеве, играя там одну из ведущих ролей. В 1905 г. Лапина вступила в Боевую организацию под именем «Бэла». В 1907 г – очередной арест и высылка в Якутскую область, откуда ей удалось бежать. И вот раскрывается провокация Азефа, человека, с которым она бок о бок работала и которому безмерно доверяла: «...несчастное стечение обстоятельств породило среди некоторых товарищей неблагоприятные для революционной чести Лапиной слухи». Она не дождалась разбирательства и 14 мая 1909 г. в Париже выстрелила себе в висок из револьвера. Ее последние слова были: «Будьте осторожны по отношению к другим!».

⁴⁷ Русские ведомости. № 295, 1909 г. С. 3.

Далее их общение напоминает психологическую и интеллектуальную дуэль, как в лучших шпионских детективах. Проверив друг друга на наличие «хвостов», через день они снова встретились. Даже многоопытного Бурцева спокойствие Зинаиды вывело из себя – он признается, что в какой-то момент, во время вежливых препирательств на тему того, почему первая назначенная встреча в кафе не состоялась, он резко оборвал ее и прямо спросил: «Не будем спорить! Это и не важно. Меня интересует другое. Я хочу теперь просить Вас, не поделитесь ли Вы со мной воспоминаниями о Вашей 15-летней агентурной работе в ДП и в охранке?».

В тот момент у Бурцева уже не было ни капли сентиментальности, которая, было, проснулась в нем при виде маленького ребенка. Он сразу предупредил, что никакой информацией делиться с ней не намерен, и был немного удивлен тому, что Зинаида не пыталась отрицать обвинения, а сразу все признала. Собственно, у нее были причины вести себя именно так. Во-первых, она прекрасно понимала, что если Бурцев пришел, то доказательств у него достаточно и спорить с ними бесполезно. Во-вторых, ее вдохновляла вера в правоту своего дела, а в-третьих – правильное профессиональное понимание происходящего. Недавно был разоблачен Азеф – одна из ключевых фигур в партии, и она готовилась к тому, что следующей будет она. А тот факт, что первым явился Бурцев, а не эсеры – большая удача, которой надо воспользоваться. Если ее захотят найти, то найдут и убьют. Сейчас же она могла попытаться получить «охранную грамоту» с помощью Бурцева. Она тонко и умело давила на жалость, заявила, что не боится смерти, но у нее сын, перед которым она очень виновата: «Я не имела права быть матерью ребенка». Даже попыталась прослезиться.

В разговоре с Бурцевым Гернгросс говорила достаточно много, но медленно, обдумывая и взвешивая каждое слово. На какие-то вопросы категорически отказывалась отвечать. «Это был ужасный рассказ. В каждой фразе мелькали слова: браунинг, бомба, тюрьма, каторга, виселица, аресты, обыски, высылки», – вспоминает Бурцев⁴⁸. (Особенно не вязался такой рассказ с любезно предложенным кофе в антураже уютной гостиной). Конечно, для него образ жизни революционного подполья не был новостью, но, думаю, что именно личность молодой женщины, сидящей перед ним, не могла не впечатлять. Он ей так и сказал – что не презрение, но ужас вызывает она своими откровениями. Разговор продлился далеко за полночь, но не был окончен, и Бурцев назначил еще одну встречу в кафе «Монополь». Встреча состоялась: «Скоро и она пришла, и вдали от входа они уселись за чашкой кофе и мирно беседовали об ужасах крови и смерти. О чем они говорят, об этом никто не догадался бы, глядя на них. Это была по виду заурядная «буржуазная» парочка»⁴⁹.

Гернгросс прекрасно умела владеть собой, в тот же вечер несостоявшейся встречи с Бурцевым, написала письмо своему руководителю и другу фон-Коттену: «Я так себе и представляла. Именно он (*Бурцев – мое прим.*) должен был прийти ко мне»⁵⁰. На следующий день, после уже состоявшегося интервью с Бурцевым, она подготовила письмо, которое должно быть доставлено фон-Коттену в случае ее смерти. Тревожила Зинаиду не сама смерть, а три момента с нею связанные: судьба сына, изложение Бурцевым ее показаний (опасалась искажений) и, как ни странно, способ возможного возмездия со стороны эсеров – она боялась серной кислоты. В целом бывшая «сотрудница» чувствовала себя бодро и, судя по всему, гордилась собой: «Несколько раз представляла себе, как будет, что я буду ощущать, когда меня откроют – и к своему счастью вижу, что это гораздо легче. Просто-таки великолепно чувствую себя. При мысли, что они застрелят меня, конечно»⁵¹.

---

⁴⁸ Русские ведомости. № 295, 1909 г.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Цит. по: Павлов П. Агенты, жандармы, палачи. Пг., 1922 г. С. 37.

⁵¹ Там же: С. 43.

Ее не застрелили. Вероятно, в тот момент было уже не до сведения счетов, а, может, Бурцев замолвил слово – она, все-таки, произвела не него впечатление своим фанатизмом. В 1910 г. в Германии разразился скандал, русскую шпионку хотели выдворить из страны по запросу К. Либкнехта (на тот момент – депутата прусского ландтага) министру внутренних дел. Но российским властям удалось замять это дело.

Естественно, Гернгросс никогда не признавала свою деятельность провокацией. В письме Климовичу она с досадой писала: «Интересно знать, когда это вошло в обращение слово – провокация? Кажется с 1905 года. И вот с тех пор нас обвиняют всегда в провокации. И пусть!»⁵².

Известный А. И. Спиридович, в 1900–1902 гг. – соратник Зубатова, знавший о Зиночке не понаслышке, на допросе перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного Правительства рассуждал о том, что человек, занимающийся политическим сыском, должен быть хорошо образован и иметь «нравственные устои». Это, по его слова, не позволит перейти тонкую грань, отделяющую от провокации. Бывший жандарм так объяснял суть дела Комиссии: «Позвольте привести пример. В этой комнате собралось сообщество, решается вопрос о каком-нибудь революционном предприятии. Сидит в этой комнате десять человек. Одиннадцатый вносит чай. Он не принадлежит к этому кружку, но он знает тех, кто здесь сидит, и служит в качестве осведомителя»⁵³. Но на прямое замечание Комиссии о том, что основные сведения царская полиция получала, все-таки, не от тех, кто «разносит чай», Спиридович не нашелся, что ответить.

---

⁵² Цит. по: П. Павлов. Агенты, жандармы, палачи. Пг., 1922 г., С. 45.

⁵³ Допрос А.И. Спиридовича. 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т 3. Л., 1925 г. С. 30.

Фото 5. Сергей Зубатов – крупнейший деятель политического сыска, начальник Московского охранного отделения и Особого отдела Департамента полиции министерства внутренних дел Российской империи

Можно ли говорить о неких «нравственных устоях» такого человека как Зинаида Гернгросс? Она пыталась убедить Бурцева, что «служила идее», была «честным сотрудником», а эсеры, «преступная шайка», причиняющая народу вред. Так верить ей или нет, верить в ее идейность и бескорыстность – задается вопросом Бурцев?

Скорее всего, это не так уж важно. Порочность крылась в самой системе, а человек всегда найдет, чем оправдать свою причастность. Совершенно справедливо писал В.Б. Жилинский по горячим результатам исследования архивов Московского охранного отделения: «Задача

охранки была трудна, ибо она стремилась не только к подавлению революционного движения и изъятию из обращения неблагонадежных лиц, но, ..., и к постоянным заботам о том, чтобы движение, избави Бог, не заглохло, к поддержанию того напряженного состояния перед грозой, которое так способствует ловлению рыбы в мутной воде, получению всякого рода чинов и отличий»⁵⁴.

Кроме этого, здесь важен и психологический момент – «товарищи», которых Гернгросс знала лично, открывались для нее с двух сторон. Она видела их поведение среди товарищей и знала другую сторону, из допросов, отчетов слежки, перлюстрированных писем. Такое знание развращает, дарит ощущение вседозволенности и власти над людьми.

В последующей переписке с «любезным другом» Зубатовым Зиночка негодует по поводу публикаций Бурцева: «Обещал, прохвост, только правду и правду говорить, т. е. печатать. И сорвался. Сегодня появилась из Парижа, конечно, с его слов корреспонденция в Berliner Tageblatt о «женском Азефе» М-ме З. Гернгросс (оказывается, я жила с мужем в Лейпциге, а потом мы были разведены), чего, чего только не наврано. ... А как хотелось использовать свой провал для морального щелчка всем нашим «Бледным коням»⁵⁵, поднять престиж агентуры, показать, что есть в ней честные слуги.»⁵⁶.

За свои услуги она получала 500 рублей ежемесячно. Это совсем немало. Но, все-таки, не деньги являлись для нее основным мотивом. Заварзин был убежден, что Зинаидой двигала «любовь к таинственности, риску, отчасти авантюризму», но, кроме этого «убежденность в разлагающем влиянии революционеров на русский народ»⁵⁷. Вопрос – не действовали ли на народ разлагающе монархическая система и способы ее охранения, как говорится, риторический.

В данном контексте справедливым кажется вывод все того же Бурцева: «Во всяком случае, это – незаурядная жизнь, и все человеческие ценности в ней перевернуты вверх дном. Она «служила идее»? Да, может быть. Но она лгала, притворялась, играла роль, была искусной лицедейкой. Она «не боялась смерти»? Несомненно. Но скольких людей, отправив в тюрьму и на каторгу, она приблизила к смерти на многие годы!»⁵⁸.

По личному докладу П.А. Столыпина осенью 1909 г. царь назначил Гернгросс пожизненную пенсию. «Признавая ... участь Зинаиды Жученко заслуживающей исключительного внимания и озабочиваясь ограждением ее личной безопасности и обеспечением ей возможности дать должное воспитание сыну, всеподданнейшим долгом поставлю себе повергнуть на монаршее вашего императорского величества благовоззрение ходатайство мое о всемилостивейшем пожаловании Зинаиде Жученко из секретных сумм департамента полиции пожизненной пенсии, в размере трех тысяч шестисот (3600) рублей в год, применительно к размеру получавшегося ею за последние годы жалования», – говорилось в заключительном абзаце доклада, подводящем итог перечисленным заслугам Гернгросс⁵⁹. На полях Николай написал «согласен». В случае ее смерти, сын получал 900 рублей в год вплоть до совершеннолетия, либо обучение за казенный счет.

В первые дни войны, в 1914 г., она была арестована по обвинению в шпионаже, где просидела до 1917 г. Дальнейшая судьба «Азефа в юбке» на сегодняшний день неизвестна. Есть версия, что уехала в Бельгию к одному из своих бывших руководителей Гартингу-Геккельману, который обосновался там в 1920 г.

⁵⁴ Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти. М., 1918 г. С. 7.

⁵⁵ Намек на нашумевшую в то время повесть В. Ропшина (Б Н Савинкова) «Конь бледный»

⁵⁶ ОР РГБ Ф. 520, картон 1, ед. хран 12. Л. 27, 28.

⁵⁷ Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. Париж, 1930 г. С. 189.

⁵⁸ Русские ведомости. № 295, 1909 г.

⁵⁹ Цит. по: П. Павлов. Агенты, жандармы, палачи. Пг., 1922 г. С. 31.

Сибирские страницы политбиографии М. Н. Рютина

Штырбул Анатолий Алексеевич,

доктор исторических наук, профессор Кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета

Надолго вычеркнутый из истории

Мартемьян Никитич Рютин – один из тех, кто ценой своей жизни спас честь большевистской партии в то время, когда на неё пала черная тень беззакония, политического насилия, диктата и культа личности. Объявленный «врагом народа» в начале 1930-х гг., он был реабилитирован только в августе 1988 г. [1, с. 177]. И в течение этих почти 60-ти лет его имя было фактически вычеркнуто из истории. В «лучшем случае» оно просто не упоминалось в исторических работах, в том числе и в работах сибирских историков о революции и гражданской войне в крае, а ведь тогда он был одним из известнейших революционных военно-политических деятелей Сибири. Даже в работах 1970-х гг. такого серьезного и скрупулёзного исследователя событий Гражданской войны на территории Сибири, как В. С. Познанский, мы не найдём даже упоминания о Рютине. Нет его в посвященном данному периоду 4-м томе истории Сибири (Л., 1968), и в насыщенной событиями и именами хронике событий «Октябрь в Сибири» (Томск, 1987).

В худшем же случае отдельные партийные историки задним числом обосновывали «вредительскую» деятельность Рютина вообще, и в сибирский период его биографии в частности. В этой связи приведём красноречивую цитату из работы иркутского партийного историка конца 40-х гг. М. Ф. Потапова, у которого применительно к одному из трёх иркутских периодов политбиографии Рютина (март 1920 май 1921 гг.) не только не нашлось ни одного доброго слова о нём, но и представлен ряд совершенно потрясающих инсинуаций:

«Борьба с оппозицией усложнялась вследствие того, что в [Иркутском] губкоме были люди, клеветавшие на нашу партию, сеявшие семена сомнения в правильности избранного пути, срывавшие борьбу с троцкистской оппозицией, вроде Рютина, бывшего секретаря губкома.

Кулацкий выродок Рютин не видел и не хотел видеть огромной роли партии в деле создания советского общества, не видел тех героических усилий, которые проявили коммунисты в борьбе за победу идей Маркса – Ленина – Сталина. Не хотел он видеть и того, что вся деятельность партии соотносилась с законами прогрессивного общественного развития. Глядя глазами кулака на нашу большевистскую партию, он хотел видеть в ней случайное скопление людей, идейно не связанных между собой. [2, с. 31].

Было сделано всё, чтобы вычеркнуть М. Н. Рютина из истории. В 1937 г. деревни Верхне-Рютино и Нижне-Рютино и Рютинский сельсовет были переименованы в Верхне-Ангарское и Нижне-Ангарское. Была репрессирована и семья, уцелела только лишь дочь, Любовь Мартемьяновна, которая с середины 1950-х гг. вела самоотверженную борьбу за честное имя отца [3, с. 46].

Фото 6. Советский политический и партийный деятель, кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. Мартемьян Рютин в кругу семьи.

До самой реабилитации одними из первых и немногих, в режиме исключения, положительных или хотя бы нейтральных упоминаний о Рютине стали сборник документов «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии» (1959) [4, с. 55] (при этом в именном указателе сборника Рютин отсутствует), и книга Г. И. Андреева о революционном движении на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) (1983). [5].

После реабилитации появились исследования о М. Н. Рютине как ярком и последовательном оппоненте Сталина, о созданном с его решающим участием «Союзе марксистов-ленинцев», о репрессиях, которым подверглись Рютин и его сподвижники. [1, 3, 6, 7]. Вышел сборник исторических материалов о Рютине, в том числе и некоторых его работ (автором сборника значится М. Н. Рютин). [8]. Но сибирские страницы политической биографии М. Н. Рютина, за небольшим исключением двух-трех статей современных иркутских краеведов, кажется, пока так и не стали предметом специального исторического исследования.

Политическое становление

По происхождению Мартемьян Никитич Рютин – коренной природный сибиряк, крестьянин. Он родился 13 февраля 1890 г. в деревне Верхне-Рютино Уст-Удинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии, в самой что ни есть глухомани районе Среднего Приангарья, в 120 верстах от железной дороги [9, с. 55]. Заочное представление о подобных местах того времени уважаемый читатель может получить, например, по произведениям В. Я. Шишкова «Тайга» и «Угрюм-река».

М. Н. Рютин появился на свет в семье крестьянина-середняка, однако в течение нескольких лет семья разорилась и превратилась в бедняцкую. С детства Мартемьяну приходилось и землю пахать, и разные дела по хозяйству выполнять, тем более что отец в отчаянии горько запил. Одновременно мальчик тянулся к знаниям и, поскольку никакой даже самой низшей

школы в деревне не было, с 7 лет учился у политического ссыльнопоселенца Виноградова, а после его побега – у такого же ссыльнопоселенца учителя Перепелицына. После открытия в соседнем селе начальной школы стал учиться там и в 11 лет её закончил [9, с. 51].

В 13 лет Мартемьян отпросился у отца на заработки в Иркутск, где работал, как тогда говорили, «мальчиком» сначала на кондитерской фабрике, затем в мелочной лавке. Здесь он познал труд пролетария и тяжелейшую эксплуатацию, которую особо отмечает в своей автобиографии, уточняя, что его в таком возрасте заставляли работать как взрослого [9, с. 52].

Проработав в Иркутске с перерывами около двух лет, он снова вернулся в деревню, где их семейное хозяйство к этому времени пришло уже в полнейший упадок. Но вскоре ему помог знакомый отца, политссыльный Б. В. Марковин, социал-демократ. Он подготовил Мартемьяна к поступлению в Иркутскую учительскую семинарию, куда тот успешно поступил в возрасте неполных 15-ти лет [9, с. 52–53].

Учащимся семинарии Мартемьян встретил 1905-й год и стал свидетелем бурных событий Первой российской революции в Иркутске – листовок, митингов, демонстраций, схваток дружинников с черносотенцами. «Но смысла событий я все же [тогда] не понимал, – признавался позднее М. Н. Рютин – Во мне кипела злоба против богачей деревенских и городских, но для меня политическая борьба и её смысл всё ещё были тайной за семью печатями». Применительно к этому времени он в автобиографии называет себя стихийным якобинцем. Там же он признаётся, что одно время стал увлекаться анархизмом с его бунтарством, но это влечение оказалось неглубоким и недолгим. [9, с. 53].

В 1909 г., вскоре после окончания Учительской семинарии и начала работы в сельской школе, Рютин впервые познакомился с марксистской литературой (работы Ленина, Каутского, Богданова, Бебеля) и стал её серьезно штудировать. В 1912 г. он уже выписывал «Правду» и по собственной инициативе организовал марксистский кружок. В это же время происходят изменения в его семейном положении: в 1909 г. Мартемьян женится на землячке Евдокии Михайловне, дочери крестьянина-бедняка Балаганского уезда. В 1910 г. у них рождается первенец – сын Владислав. [9, с. 54, 63].

В конце 1913 г. Рютин стал учительствовать в Иркутске и вскоре на учительском съезде был избран членом Общества взаимопомощи учителей. Продолжал изучать марксистскую литературу и в том же 1913 г. проштудировал три тома «Капитала» К. Маркса. Эти книги, по его признанию, очень помогли ему осознать смысл происходившего вокруг. Одновременно сотрудничал в ряде местных легальных газет, проводя в своих статьях классовую пролетарскую линию. Именно в это время он заявляет о себе ещё и как политический публицист. Вскоре после начала Мировой войны М. Н. Рютин окончательно и бесповоротно примкнул (в октябре 1914 г.) к фракции (а фактически уже к партии) большевиков. К этому времени в семье Рютиных уже трое детей: два сына и дочь [3, с. 5; 9, с. 55–56, 63].

В июне 1915 г. был призван в царскую Русскую армию и определен в команду вольноопределяющихся, но в начале октября как человек с образованием, был откомандирован в школу прапорщиков (младших офицеров ускоренной подготовки военной поры), которую и окончил 1 января 1916 г. Затем полгода служил, ожидая отправки на фронт, во Втором Иркутском запасном полку. В это время ему удалось организовать большевистский солдатский кружок [9, с. 56].

На Китайско-Восточной железной дороге (июнь 1916 – декабрь 1917 гг.)

В конце мая 1916 г. Рютин был откомандирован в «столицу» российской полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги в Манчжурии («Китайской “Сибири”») – город Харбин – в качестве младшего офицера в 618-ю пешую Томскую дружину, в которой сразу

же назначен командиром роты. Развернув большевистскую агитацию, он создал из наиболее надёжных солдат небольшую ячейку в 5 человек. Одновременно стал отправлять корреспонденции в журнал А. М. Горького «Летопись» [9, 57].

Его деятельность не осталась незамеченной, и накануне Февральской революции он был арестован командиром дружины, но вести о свержении самодержавия в корне изменили обстановку, и он вышел на свободу, сразу же приступив к созданию Совета солдатских депутатов Харбинского гарнизона. На первом же организационном собрании солдатских депутатов его избрали председателем этого Совета. Именно Совет солдатских депутатов произвел аресты наиболее одиозных представителей царской администрации (в Совете рабочих депутатов сразу же образовалось засилье меньшевиков, и он не проявил должной решительности) [9, с. 57–58].

Весь 1917 г. политическая обстановка на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) характеризовалась чрезвычайной сложностью. В дополнение к соглашательскому Совету рабочих депутатов (большевистским он станет только в сентябре 1917 г.) существовала насквозь контрреволюционная администрация КВЖД во главе с генералом Д. Л. Хорватом, который собирал под свое крыло реакционные элементы (среди них со временем оказались такие известные правые деятели, как Колчак, Будберг, Устрялов, Путилов). Китайские власти в Манчжурии также были настроены враждебно к революционным силам КВЖД и готовы в любой момент прийти на помощь местной российской контрреволюции. Будущий известный писатель и драматург В. Билль-Белоцерковский, возвращавшийся с группой политических эмигрантов из США в Россию по КВЖД, вспоминал, как враждебно встретили их в конце мая 1917 г. в Харбине представители местного эсеро-меньшевистского Совета рабочих депутатов, и как они, совместно с местным реакционным офицерством препятствовали дальнейшему следованию эмигрантов, не выпуская их из пределов Манчжурии в Россию. И только вмешательство солдат и рядовых рабочих-железнодорожников помогло тогда вырваться из неожиданного «плена» [10, с. 273–276].

20–21 июля 1917 г., в качестве приглашённого, М. Н. Рютин участвовал в Иркутской губернской объединенной конференции РСДРП, где с новой силой и остротой встал вопрос об окончательном организационном размежевании большевиков с меньшевиками. Вернувшись в Харбин, он потребовал решительного размежевания с местными меньшевиками, и к началу сентября здесь возникла самостоятельная организация РСДРП(б), которую он и возглавил [3, с. 6; 11, с. 62–64].

В октябре 1917 г. М. Н. Рютин, являвшийся лидером местной организации РСДРП(б) и председателем уже объединенного Харбинского Совета рабочих и солдатских депутатов, был выставлен кандидатом в Учредительное собрание. В это время он – один из самых популярных политических деятелей Харбина и КВЖД. Его соперники на выборах – меньшевик Н. А. Стрелков, эсер Ф. А. Вольфович и от Харбинского отдела «кадетской» партии – генерал Д. Л. Хорват. С незначительным перевесом в 1500 голосов победил Стрелков, набравший 13 139 голосов (Рютин – 10 612). [5, с. 38].

С победой Советской власти в Петрограде и началом «триумфального шествия» новой власти по стране, политическая ситуация в российской полосе отчуждения КВЖД обострилась ещё сильнее. Большевики готовились к взятию власти, но обстановка становилась все более для них неблагоприятной. Иностранные консулы делали всё, чтобы укрепить позиции администрации КВЖД во главе с генералом Д. Л. Хорватом. В Манчжурию стекались контрреволюционные элементы из России. Китайские власти, следуя указаниям Антанты, были готовы оказать Хорвату военную помощь. Эсеры и меньшевики были на стороне контрреволюции. По мнению исследователя Г. И. Андреева, местные революционные силы и лично Рютин не проявили в этот момент должной решительности и выжидали [5, с. 45–47]. Это мнение представляется довольно спорным, если учитывать все непростые политические обстоятельства, сложившиеся в это время на КВЖД, в полосе отчуждения и на территории Манчжурии в целом.

Утром 13 декабря 1917 г. хорошо вооруженные китайские войска в сопровождении белогвардейских офицеров окружили казармы слабо вооруженных революционных частей. Стремясь избежать кровопролития, командование решило сдать оружие. Во время сдачи китайцами был убит командир одной из частей полковник Давыдов, которого, вероятно, те приняли за М. Н. Рютина. Разоружив русские революционные части, китайцы разгромили Совет рабочих и солдатских депутатов. [5, с. 56; 9, с. 59–60].

Разоружённые солдаты были посажены в вагоны и отправлены в Забайкалье, но в районе пограничной станции Маньчжурия подверглись нападению, грабежу и избиениям со стороны отряда атамана Г. М. Семёнова, при этом несколько солдат и комиссар Харбинского Совета Аркус были расстреляны. Двум другим руководителям Совета – Б. А. Славину и М. Н. Рютину (за поимку которого была объявлена денежная награда) лишь чудом удалось спастись. [5, с. 56; 9, с. 60].

Накануне и в начале Гражданской войны (1918 г.)

В самом начале января 1918 г. М. Н. Рютин прибыл в Иркутск, где только что закончились десятидневные декабрьские бои с белогвардейцами и была установлена Советская власть. Находившийся в Иркутске ЦИК Советов Сибири (Центросибирь) сразу же назначил его командующим войсками Иркутского военного округа. В данной должности он проработал около 2,5 месяцев. В марте 1918 г. избран заместителем председателя Иркутского губернского исполкома Советов и проработал на этой должности до 13 июня 1918 г. В мае 1918 г. Рютину пришлось участвовать в подавлении мятежа в родном Балаганском уезде и ликвидировать там белогвардейский офицерский отряд. 31 мая он активно участвовал в ликвидации белогвардейского восстания в Иркутске и был членом Ревтрибунала [9, с. 60]. Кроме того, Мартемьян Никитич в это время являлся членом объединённой редакционной коллегии советских газет Иркутской губернии [11, с. 170].

Фото 7. Один из железнодорожных составов мятежного чехословацкого корпуса. Весна-лето 1918 г.

В конце мая – начала июня 1918 г. обстановка в Сибири резко изменилась не в пользу Советской власти: началось контрреволюционное выступление Чехословацкого корпуса, к которому присоединились вышедшие из подполья бело-офицерские, бело-казацкие и эсеровские вооруженные формирования. В течение июня – июля Советская власть в Западной Сибири была ликвидирована, а в Восточной Сибири она продержалась до конца августа 1918 г., но в течение всего лета советская территория здесь непрерывно уменьшалась.

15-29 июня 1918 г. в Иркутске проходил съезд советов крестьянских, рабочих, красноармейских и бурятских депутатов Иркутской губернии. М. Я. Рютин был избран одним из двух заместителей председателя съезда. Из 17 вопросов повестки дня самым главным и определяющим работу съезда стал «Текущий момент»: военно-политическая ситуация в губернии для Советов на глазах ухудшалась. В последний день своей работы съезд объявил «добровольную мобилизацию всего населения, способного носить оружие и готового встать на защиту завоеваний нашей крестьянской и рабочей революции». [11, с. 171].

К середине июля 1918 г. белогвардейцы захватили Иркутск, и Центросибирь была вынуждена эвакуироваться в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ). Забайкалье и Приамурье были пока ещё советскими, но ситуация всё заметнее менялась в худшую сторону. Белые и интервенты продолжали наступать на этот последний советский анклав в Восточной Сибири и Сибири вообще. В советском тылу безобразничали (по-другому не сказать!) отряды союзничков-анархистов во главе с Пережогиним, Караевым, Лавровым [12, с. 14–20].

После оставления Иркутска Рютин в составе советских войск с боями отступал в Западное Забайкалье. Здесь он сначала являлся заместителем командующего фронтом П. К. Голикова, а затем комендантом полевого штаба. Железной рукой наводит революционный порядок, решительно пресекает анархию и пьянство [3, с. 8–9].

17-18 августа 1918 г. у станции Посольская произошли упорные бои, фактически – генеральное сражение советских войск Центросибири и белогвардейцев. В результате красные потерпели катастрофическое поражение, и фронт неудержимо и стремительно покатился к Чите, куда накануне эвакуировалась Центросибирь. Белые захватили Читу 26 августа. С Советской властью в Сибири было покончено (на Дальнем Востоке последние крохотные советские анклавы в Амурской области пали 17–18 сентября).

В кровопролитном сражении под Посольской участвовал со своим отрядом и М. Н. Рютин. После разгрома выход был один – уйти в тайгу и готовиться к партизанской войне. Именно такое решение приняла конференция руководящих работников Центросибири на станции Урульга 28 августа 1918 г. [13, с. 187–189]. Но ещё и до этого решения отдельные разрозненные красные отряды, преследуемые победителями, стали уходить в тайгу.

По всей территории бело-эсеровской «Сибирской республики» (а это в сентябре 1918 г. была практически вся территория Сибири) контрреволюция праздновала победу. В начале сентября иркутская газета «Дело» на радостях сообщила, а затем другие газеты «Сибирской республики» с явным удовольствием перепечатали информацию о гибели М. Рютина. В «столичном» Сибирском вестнике в хроникальной заметке сообщалось:

«Смерть Рютина. Со слов одного из очевидцев прибайкальского поражения красной армии передаём о смерти хорошо знакомого иркутянам Рютина.

При занятии станции Снежной нашими войсками он находился во главе конного отряда, который был окружён. Рютин и его товарищи намеревались прорваться через кольцо наших стрелков, но меткие пули их уложили весь отряд вместе с его начальником». [14, с. 3].

Но белогвардейские газеты поторопились. Снова чудом уцелевшему, Рютину с отрядом удалось уйти в тайгу.

В борьбе с колчаковщиной (ноябрь 1918 г. – 1919 г.)

Поражение деморализует, и не каждый готов и способен найти в себе силы противостоять этому. Деморализация коснулась и отряда, с которым Рютин сумел уйти от разгрома: после двух недель странствий в тайге его бойцы решили сдаться в плен и покинули своего командира.

«Я остался один, – вспоминал позднее М. А. Рютин. – Так как у меня не было никаких документов, ибо мы на этот счёт были тогда весьма беззаботны, то мне пришлось одному около полутора месяцев скитаться по Забайкальской тайге [и] только благодаря тамошним железно-дорожным рабочим разезда Мандриха я благополучно пережил это тяжёлое время. Затем мне тайгой удалось около сотни вёрст пробраться до станции Танхо. А оттуда я при помощи одного рабочего сел в поезд и, по счастливой случайности, хорошо доехал до Иркутска». [9, с. 60–61].

Однако в Иркутске связи с городским подпольем установить не удалось и, приобретя с помощью своего знакомого лодку, Рютин отправился вниз по Ангаре в те места, где раньше учительствовал. Плыть приходилось ночью, а днем укрываться в прибрежной тайге. Прибыв в село Шивера, он сутки пробыл в нём, а затем из-за угрозы ареста пришлось отправиться в лес [9, с. 61].

В тайге Рютин сумел выйти на нескольких таких же как он сторонников Советской власти, скрывавшихся от белых. Первой задачей у них было пережить в тайге суровую сибирскую зиму. Они создали «лесную коммуну»: построили землянку и стали готовиться к борьбе. «Положение было чрезвычайно тяжёлое, для работы среди крестьян на первых порах почвы ещё никакой не было. В Иркутск мне ехать было нельзя, так как меня там знал чуть ли не каждый обыватель. Я бы там, несомненно, сразу провалился. Оставалось одно: первые месяцы вариться в собственном соку» [9, с. 61].

Характеризуя политическую ситуацию в Иркутской губернии применительно к осени 1918 – весне 1919 гг., контрразведка докладывала:

«Тот разгром, который потерпел большевизм при занятии [Иркутского военного] округа в 1918 г. в июне месяце, заставил деятелей, которые работали в 1917–1918 гг., сойти со сцены: часть из них погибла (как, напр., Посталовский, Сташевский, Аугул, Лобзин), власть арестована (Луцкий, Гаврилов, Таубе, Шумяцкий, Рябиков), часть бежала на восток или в Монголию и вообще скрылась (Лазо, Постышев, Пережогин, Трилиссер, Клейман, Шевцов, Парняков, Трифионов, Кларк, Зотов и Янсон), но так или иначе они, как политические деятели, все сошли со сцены, и пока только есть сведения, что Рютин стоит во главе банды, оперирующей севернее Иркутска» [4, с. 55].

В начале 1919 г. Рютину наконец удалось связаться с руководством Иркутского большевистского подполья и предложить себя для партийной работы в городе, но Иркутский подпольный комитет РКП(б) отклонил данное предложение, мотивируя это тем, что хорошо известный в Иркутске Рютин мог привлечь к подполью дополнительное внимание. Было рекомендовано пока вести работу в сельской местности и ждать [9, с. 61].

Позиция крестьянства Сибири в это время стала постепенно меняться от дружественного нейтралитета по отношению к Советской власти к готовности выступить за ее восстановление с оружием в руках. К лету 1919 г. колчаковская диктатура умудрилась своими действиями восстановить против себя большую часть сибирского крестьянства. Всю весну и начало лета 1919 г. таёжные подпольщики группы Рютина продолжали жить в тайге и вели в окрестных деревнях антиколчаковскую агитацию. К этому времени колчаковским властям через свою агентуру было уже хорошо известно о таежных подпольщиках и о том, что ими руководит Рютин. «За это время [весна 1919 г. – А. Ш.] меня пытались поймать два белогвардейских отряда: один из них казачий, но это им не удалось. Пришлось им ограничиться тем, что они

в нескольких деревнях выпороли по несколько крестьян, и этим ещё более озлобили против колчаковщины крестьянство». [9, с. 61].

В июне 1919 г. Иркутский комитет РКП(б) нашел Рютина применение: через связного ему было передано предложение перебраться в Новониколаевск и связаться там с подпольем. Связной также передал Рютину удостоверение, 400 рублей и пароль для связи с подпольщиками в Новониколаевске [9, с. 61–62].

На подготовку и переезд ушло около двух месяцев, что по тем временам и в той обстановке неудивительно. И в очередной раз беда прошла совсем рядом с Рютиным: прибыв в Новониколаевск под видом простого крестьянина и с соответствующими документами на имя Никифорова, он попытался выйти на связь в начале сентября, а буквально накануне конспиративная квартира, куда он явился, была провалена и, более того, находилась под наблюдением. И снова буквально чудом Рютин избежал ареста. «Только благодаря тому, что я не растерялся, мне удалось ускользнуть из квартиры и удрать, – вспоминал он. – Так как других никаких связей в Новониколаевске у меня не было, мне пришлось дать дерака в ближайшую деревню». Нанявшись батраком и проработав в этой деревне две недели, Рютин вернулся в Новониколаевск и поступил плотником на строительство мыловаренного завода. Работая там, он начал искать и устанавливать связи с подпольем и вести пропаганду в среде солдат колчаковских частей. Подпольная работа продолжалась до 14 декабря 1919 г., когда в Новониколаевск вошли части Красной армии [9, с. 62].

В тот же день активные участники подполья Г. К. Соболевский и М. Н. Рютин организовали регистрацию коммунистов, работавших в подпольных партийных пятерках. 15 декабря состоялось первое организационное собрание членов РКП(б) Новониколаевска. Было избрано временное организационное бюро горкома партии, в состав которого по рекомендации председателя Сибиревкома И. Н. Смирнова вошёл и М. Н. Рютин. 17 декабря Сибревком утвердил состав Новониколаевского ревкома, в состав которого вошёл и М. Н. Рютин (одновременно – начальник земельного отдела ревкома). [15 с. 113, 114].

В конце декабря 1919 г. Сибревком назначает Рютина чрезвычайным уполномоченным Сибревкома по организации управления угольными копиями Кузбасса, а также для налаживания в этих районах советской работы. Основная задача: организовать как можно скорее добычу угля и переброску его к Сибирской железнодорожной магистрали. Эта задача была им выполнена в течение месяца. [9, с. 62].

Во главе Иркутской губернии (март 1920 – май 1921 гг.)

В марте 1920 г. партия перебрасывает Рютина в его родную губернию. В конце марта в Иркутске его делегируют на Вторую губернскую партконференцию, на которой избирают председателем Иркутского губкома РКП(б) [9, с. 62]. По тем временам руководитель губернской партийной организации – это фактически руководитель губернии. В этой должности он проработал полгода, а затем ещё полгода был руководителем президиума, оставаясь фактически лидером организации.

Вся эта работа пришлась на период кризиса политики военного коммунизма. На Рютина как руководителя губернии свалились заботы по хлебозаготовкам, преодолению разрухи, борьбе с антисоветским повстанчеством и политическим бандитизмом, охватившими губернию осенью 1920 – весной 1921 гг. и, наконец, внутрипартийная дискуссия о профсоюзах, в которой, по мнению партисторики М. Ф. Потапова, руководство губкома во главе с Рютиным, «в борьбе с оппозицией занимало примиренческую линию, всячески ослабляя борьбу с фракционерами». [2, с. 31].

В это время, по мнению Потапова, в Иркутске и Иркутской губернии «борьба как с “левыми”, так и с правыми оппортунистами не получила сначала должного развития вслед-

ствие того, что во главе губернской парторганизации стоял оппортунист Рютин. Под крылышком Рютина проповедовалась теория безудержного отступления, давались теоретические обоснования для правооппортунистической практики» [2, с. 31]. Подобные оценки деятельности М. Н. Рютина на посту руководителя Иркутской губернской организации РКП(б) базируются исключительно на политической конъюнктурности автора и имеют мало общего с действительностью.

Общая военно-политическая обстановка в Иркутской губернии в этот период была на редкость сложной. В ряде местностей сопредельной Забайкальской области, входившей тогда в Дальневосточную республику, все ещё находились семёновцы и японцы. Осенью 1920 г. в Иркутской губернии в ответ на чрезмерную продразвёрстку и злоупотребления продкомиссаров на местах грянул ряд восстаний в сельской местности, в том числе и в родном уезде Рютина – Балаганском.

23 октября 1920 г., в разгар крестьянских восстаний в губернии, под председательством Рютина состоялся чрезвычайный расширенный пленум Иркутского губкома РКП(б) с представителями с мест. Рассматривались вопросы о злоупотреблениях ряда представителей власти на местах, в том числе и некоторых чекистов, о контрреволюционных выступлениях в сельской местности и о ходе продразверстки. Решения пленума были непреклонными: продолжать продразверстку и при этом решительно пресекать вооруженное сопротивление контрреволюционных элементов. Отдельным пунктом принято решение жёстко пресекать злоупотребления и должностные преступления представителей власти, провоцирующие недовольство и сопротивление крестьян [16, с. 603–604].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.